

А. А. Холиков

<https://orcid.org/0000-0002-8462-0738>
✉ aakholikov@gmail.com

Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова (Россия, Москва)

«Нужно ли сейчас говорить о Некрасове?»: ТЕКСТОЛОГИЯ И «ТАЙНОВИДЕНИЕ» Д. С. МЕРЕЖКОВСКОГО

Аннотация. В статье предпринято источниковедческое изучение работы Д. С. Мережковского «Тайна Некрасова» (1913) в аспекте модернизации отечественной классики на рубеже XIX–XX вв. для уточнения представлений о моделировании писательской идентичности в сознании современников и потомков. Впервые восстановлена история «Тайны Некрасова» от лекции и газетных публикаций ее фрагментов к итоговому варианту в составе исследования «Две тайны русской поэзии: Некрасов и Тютчев» (1915). Привлечены документы из архивов, а также малоизвестные материалы дореволюционной периодики. Осуществлено комплексное сравнение печатных, машинописных и рукописных источников. Вслед за текстологической реконструкцией затронута проблема рецепции лекции современниками. Самые ранние отклики систематизированы и осмыслены. С опорой на приведенные факты утверждается, что Мережковский, лавируя между эстетикой и политикой, осовременивает личность и творчество Некрасова для решения публицистических задач, а потому его выступления должны прочитываться в контексте других общественно-политических (а не только литературно-критических, как это делалось ранее) высказываний мыслителя 1910-х годов о народничестве, патриотизме, революции и религии, в биографическом ракурсе его связей с русскими эмигрантами-революционерами.

Ключевые слова: текстология, русская литература, репутация писателя, авторская идентичность, критика, публицистика, революционное народничество, Н. А. Некрасов, Д. С. Мережковский

Для цитирования: Холиков А. А. «Нужно ли сейчас говорить о Некрасове?»: текстология и «тайновидение» Д. С. Мережковского // Шаги/Steps. Т. 12. № 2. 2026. С. 134–150. EDN: IXDSCB.

Поступило 18 августа 2025 г.; принято 23 марта 2026 г.

A. A. Kholikov

<https://orcid.org/0000-0002-8462-0738>
✉ aakholikov@gmail.com

Lomonosov Moscow State University
(Russia, Moscow)

“SHOULD WE TALK ABOUT NEKRASOV NOW?”: TEXTUAL CRITICISM AND D. S. MEREZHKOVSKY’S “SECRET VISION”

Abstract. The author of the article has undertaken a source study of D. S. Merezhkovsky’s work “Nekrasov’s Mystery” (1913) in the context of the modernization of Russian classics at the turn of the 19th and 20th centuries. This has been done for the purpose of clarifying ideas about the modeling of a writer’s identity in the minds of contemporaries and descendants. For the first time, the history of “Nekrasov’s Mystery” has been reconstructed from lecture and newspaper publications of its fragments to the final version as part of the study “Two Mysteries of Russian Poetry: Nekrasov and Tyutchev” (1915). The researcher used documents from archives, as well as little-known materials from pre-revolutionary periodicals. A comprehensive comparison of printed, typewritten and hand-written sources was carried out. In addition to the textual reconstruction, the problem of the lecture’s reception by contemporaries is studied. The earliest reviews by the lecture’s listeners and by critics have been analyzed and systematized. Based on the facts presented, it is argued that Merezhkovsky, maneuvering between aesthetics and politics, modernizes the personality and work of Nekrasov to solve journalistic problems, and therefore his speeches should be read in the context of other socio-political statements (and not just literary-critical, as was done previously) by the thinker of the 1910s concerning Narodism, patriotism, revolution and religion, and in the biographical perspective of his connections with Russian émigré revolutionaries.

Keywords: textual criticism, Russian literature, writer’s reputation, author’s identity, criticism, journalism, revolutionary Narodism, N. A. Nekrasov, D. S. Merezhkovsky

To cite this article: Kholikov, A. A. (2026). “Should we talk about Nekrasov now?”: Textual criticism and D.S. Merezhkovsky’s “Secret Vision”. *Shagi / Steps*, 12(2), 134–150. EDN: IXDSCB. (In Russian).

Received August 18, 2025; accepted March 23, 2026

18 июня 1913 г. Д. С. Мережковский признавался: «Я думаю писать о Некрасове. Я его ужасно люблю. Сейчас после Пушкина и Лермонтова. М[ожет] б[ыть], наравне с Тютчевым. Не только как человека бесконечно родного, но и как великого художника люблю. Несмотря на все свои падения, вот кто *героичен* в высшей степени. Хочу прочесть о нем лекцию. Только не знаю, удастся ли, сумею ли написать, как следует...»¹ [Революционное христовство 2009: 267]. Адресат этих слов — не издатель и не литературный редактор, как может подуматься из содержания, а революционер и террорист Б. В. Савинков. По заключению Мережковского — «великий русский патриот» («Савинков и Врангель», 1920).

Наиболее тесно с эмигрантами-революционерами писатель сошелся во время своего парижского периода 1906–1908 гг.:

Мне казалось и теперь мне кажется, что это лучшие русские люди, каких я встречал за всю мою жизнь. Сближение наше произошло на почве не только общественной, но и религиозной. Здесь я увидел воочию, как бы осязал руками, связь русской революции с религией. В схождении с ними я пережил то, что потом часто высказывал, — возможность новой религиозной ответственности, глубочайшую связь русского освобождения с религиозными судьбами России [Мережковский 1913d. Л. 21 об.—23] (см. также: [Соболев 1992: 353]).

По цензурным соображениям процитированный фрагмент был изъят при публикации «Автобиографической заметки» (датирована автором: «Февраль 1913 г.» [Мережковский 1913d. Л. 23]) [Холиков 2018]. Вернувшись весной того же года из очередного французского турне, в ходе которого контакты с эсерами продолжались, Мережковские сняли на лето дачу у барона Розенберга: ст. Веребье, Крестецкий уезд, Новгородская губерния. В письме Савинкову З. Н. Гиппиус жаловалась:

А здесь сырой и дремучий лес, кашка, иван-да-марья, плоты на реке, пьяные по дороге, омерзительная дача-барак, пруд с головастиками и такая тишина порой, что хочется ссориться со всеми, кто из домашних на глаза попадет [Революционное христовство 2009: 264].

Вопреки предлагаемым обстоятельствам (или благодаря им) Мережковский реализовал собственный замысел: 2 августа 1913 г. им была завершена черновая рукопись «Тайны Некрасова» [Мережковский 1913e. Л. 68]. Почти сразу Гиппиус сообщила Д. В. Философову:

¹ При цитировании сохраняются некоторые особенности орфографии и пунктуации, а также шрифтовые выделения в оригинале.

Дм[итрий] сегодня читал свою «лекцию» о Некрасове, статья превосходная (особенно если фразы две определить и в конце риторику смягчить), успех имела бы большой, но... она вся *абсолютно* нецензурна. Для печати разве... и то не в «Русск[ом] Сл[ове]», а в «Р[усской] Мысли». Дм[итрий], конечно, не верит, но это слишком ясно. Его неверие только и приведет, что к лишнему скандалу [Переписка 2018: 737]².

Мережковский мечтал о своем журнале [Революционное христовство 2009: 266]. «В “Русск[ом] слове”, — сетовал он тем же летом, — я погибаю. Там сейчас лежат три мои огромные статьи, и неизвестно, сколько еще пролежат — все печатать не решаются» [Там же: 267]. Однако неделю спустя, 9 августа 1913 г., именно «Русское слово» разместило у себя часть написанного Мережковским текста с примечанием: «Заметка из подготовляемой к печати статьи: “Две тайны русской поэзии. — I. Тайна Некрасова. — II. Тайна Тютчева”» [Мережковский 1913b].

Стремительную завязку текстологического «сюжета» омрачила досадная опечатка, о которой Гиппиус тут же написала Философову:

Кусок статьи его (Мережковского. — А. Х.) о Некрасове уже напечатан в «Р[усском] Сл[ове]», (самый маленький, цензурный), причем на главном месте (оно мне понравилось и я в печати его нашла) самая жгучая опечатка; говорится о том, что у Некрасова в стихах больше *звуков*, чем образов, что он лучше слышит, чем видит. Это хорошо и верно, и хорошо доказано. Но напечатано — что «для Некрасова мир более *скучен*, нежели *образен*...» (Или как там). Ни одна попадя, наверно, не сумеет понять, что «скудный» значит «звучный». Я бы на месте Дм[итрия] огорчилась, а он отнесся довольно хладнокровно [Переписка 2018: 753].

К слову, в отдельном издании исследования «Две тайны русской поэзии: Некрасов и Тютчев» (1915) опечатку исправили, а сама заметка составила II часть раздела «Тайна Некрасова» [Мережковский 1915b: 23–36].

При этом из личной творческой «кухни» Мережковский никакой тайны, судя по всему, не делал. Так, 12 октября 1913 г. массовый читатель «Биржевых ведомостей» получил развернутый репортаж С. Б. Фрида о летнем отдыхе писателя, его литературной работе, домашней библиотеке, отношении к театру и кинематографу. В частности, говорилось:

Дмитрий Сергеевич Мережковский только что приехал в столицу после летних каникул. Часть лета писатель провел в Новгородской губ., последние же месяцы пробыл в Кисловодске.

И далее:

² Ср. с письмом Мережковского к Философову от 3 августа 1913 г. [Переписка 2018: 739].

Почти весь свой летний досуг Д. Мережковский посвятил литературной работе: написал труд о Некрасове и Тютчеве под заглавием «Две тайны русской поэзии»; в данном литературном исследовании творчества двух поэтов Мережковский подчеркивает противоположность, полярность Некрасова и Тютчева, характеризует последнего как представителя индивидуализма, а Некрасова как представителя общественности.

— Это исследование свое, — говорит Мережковский, — я разбил на две части и прочту на эту тему две лекции: одну — о Некрасове, вторую — о Тютчеве [Фрид 1913].

Впервые с «Тайной Некрасова» писатель выступил в пользу Литературного фонда 15 октября 1913 г. в концертном зале Тенишевского училища в Петербурге [Приглашение 1913]. Отчеты газет, казалось, не противоречили проспекту лекции, отложившемуся среди писем Мережковского к В. Я. Брюсову [Проспект 1913; Переписка 2005: 222–223], и все-таки отличались расставленные репортерами акценты.

Очевидно, дистанцируясь от общественно-политической повестки, «Обозрение театров» сузило внимание на историческом положении Некрасова в русской художественной литературе («...в наибольшей мере подвергался острой, порой доходившей до непристойных ругательств, критике современников»), на личности («страсть к страданию») и жизни поэта («...для многих его поступков можно найти если не полное оправдание, то смягчающие и почти уничтожающие вину обстоятельства»). Обойдя стороной злободневные для лекции вопросы религиозности и общественности, петербургская газета свела заключительную мысль докладчика к тезису сугубо биографическому: «Ключом к творчеству Некрасова и противоречиям его жизни должны служить его несчастно сложившиеся отрочество и молодость» [Лекция 1913b].

В свою очередь, идеологически чуждое Мережковскому «Новое время» представило более развернутый пересказ под красноречивым названием «Тайна русской совести». Здесь Некрасов прямо назван «поэтом русской общественности», а его поэзия — «волевой по преимуществу», но далее в центр разговора вновь смещены личность Некрасова, его противоречивый нравственный облик, суд над ним современников. Чувство религиозности упомянуто только в контексте спасительной любви поэта к матери, которая сливается с любовью к родине: «“Вечное материнство”, “вечная женственность” — это последняя тайна в поэзии Некрасова» [Тайна 1913]. В столь благостном изложении Мережковский зазвучал едва ли не в унисон с «нововременскими» патриотами, и здесь к месту употребить знаменитую оговорку Л. Н. Толстого об умной критике искусства: «...*всё* правда, но не *вся* правда...» [Толстой 1955: 154].

В этом отношении отклики, размещенные на страницах более либеральных столичных газет, тяготели к гражданской «правде» самого Мережковского. Репортер «Биржевых ведомостей» не стал затушевывать социально-политический крен лекции и в заключение отметил, что об-

раз своей «страдалицы-матери» Некрасов «отожествил с образом всей страдальческой России», и он «стоит в перспективе русской жизни, как великое явление любви и гнева» [Лекция 1913а]. Обозреватель «Дня», напротив, начал свой репортаж с главного вопроса: «...своевременен ли Некрасов, нужно ли нам говорить о нем?» И вместе с докладчиком ответил утвердительно:

...если нужно вспомнить о народолюбии и свободолюбии, то нужно вспоминать и Некрасова, ибо он явление единственное в русской литературе, соединяющее в себе и любовь к народу, и любовь к свободе [Б. 1913].

И хотя устно «призыв Мережковского о соединении слов с делом, русской литературы с русским освобождением» [Гончарова 2009: 72] мог не прозвучать из-за цензурных опасений (справедливо выраженных Гиппиус), пронизательный слушатель уловил в облике Некрасова провозвестника «новой религиозной общественности»:

Из крови дымящейся вышел Некрасов, и наступает его година вещая в наших сердцах. Не мы к нему, он к нам идет. <...> Некрасов запел песнь русской совести, и под его песню легче стало жить и умирать. Если бы с лица земли русской исчезла вся революционная общественность, о ней можно было бы знать по Некрасову [Б. 1913].

Откровеннее всех к злобе дня «Тайну Некрасова» подвел Философов. Как участник «триумвирата» он явно аккомпанировал Мережковскому в его стремлении сделать Некрасова героем текущего исторического момента:

Вчера, в своей лекции о Некрасове, Мережковский говорил о понятии чести и совести.

<...> Вечером, уходя с лекции, попав в беспросветную мразь и слизь осенней петербургской улицы, я думал о взаимоотношениях чести и совести. А утром, при свете огня, читал свежее испеченный лист «Нового времени». И стало жутко.

Мне стало казаться, что и честь, и совесть какие-то болезненные призраки. В Петербурге, центре России, они нереальны. Здесь не нужна ни совесть, ни честь [Философов 1913].

(Как раз в те дни проходил судебный процесс по нашумевшему делу Бейлиса, обвиненного в ритуальном убийстве 12-летнего мальчика Андрея Юшинского, и ряд авторов «Нового времени» занимал антисемитскую позицию [Акчурина 2015].)

Повторно с лекцией «Тайна Некрасова» Мережковский выступил в большой аудитории Политехнического музея Москвы 1 ноября 1913 г. [Объявление 1913]. Накануне, остановившись в гостинице «Националь», он обратился к Ф. И. Благову, редактировавшему «Русское слово»:

...посылаю Вам статью «Тайна Некрасова». Это часть моей лекции. Думаю, что читателям будет любопытно читать подлинник, нежели отчеты [Письма 1913. Л. 18].

Так и произошло. Заметка была опубликована 2 ноября 1913 г. под уточненным названием «Трагедия совести (Еще о Некрасове)» [Мережковский 1913с] (составила III часть раздела «Тайна Некрасова» в «Двух тайнах русской поэзии» [Мережковский 1915b: 37–51]). В том, что название второго газетного претекста согласуется с волей автора, сомневаться не приходится: в проспекте лекции оно фигурирует как номинативное предложение и, открывая новый абзац, фактически озаглавливает смысловой блок [Прспект 1913. Л. 31].

Резонанс тем не менее вызвала первая из двух заметок. С одной стороны, она привлекла благосклонное внимание известного в ту пору педагога В. А. Зелинского, который в третьем издании «Сборника критических статей о Н. А. Некрасове» (1914) поместил ее перед второй частью, позаимствовав из «Русского слова» (вместе с опечаткой, огорчившей Гиппиус) [Сборник 1914: vii–xvi]. С другой стороны, ознакомившись с публикацией «Русского слова» от 9 августа 1913 г., критик В. А. Чудовский с порицанием удостоверил под обложкой элитарного «Аполлона» коренной разворот в эстетических установках Мережковского — автора заметки «Некрасов», где он «заявил себя радикалом-интеллигентом и общественником по формуле 60-х годов и в восхвалении Некрасова пошел так далеко, что даже общественнику может стать неловко, принимая во внимание, что это пишет Мережковский...» [Чудовский 1913: 47]. На первый взгляд, суждения в адрес «обновленного» Мережковского выглядели весьма сурово: «очень искусный журналист»; «жизнью он почитает одну лишь двойственность»; «думал соединить свободу и веру в единой животворящей синтезе, а получился лишь рецепт какой-то ненужной смеси масла и воды, аптечная микстура» [Там же: 50–51], — но на общем фоне ругательных высказываний о «тайновидце» русской литературы они мало чем выделялись. Недаром в том же 1913 г. Мережковский горестно шутил, что «мог бы справить 25-летний юбилей критических гонений безжалостных» [Мережковский 1913а].

Других печатных претекстов «Тайны Некрасова» не выявлено, а поскольку проспект лекции конспективно отражает структуру полного издания этого труда в составе «Двух тайн русской поэзии», правомерно предположить, что первая и четвертая части оказались наименее цензурны даже для умеренно либеральной газеты. Если в самом начале автор прямо заявлял о связи Некрасова с Россией «наших дней» в контексте разговора о чаемом «огненном крещении народовластия в свободе» [Мережковский 1915b: 17]; то под занавес Некрасов ставился в один ряд с народовольцами (их прямые наследники в оправдании индивидуального террора — Савинков и другие эсеры), «через головы» которых поэт якобы «протягивает руку будущему — тому, что можно бы назвать р е л и г и о з -

ным народничеством» [Мережковский 1915b: 56]. Здесь-то, как говорится, и кроется «последняя тайна» Некрасова.

Лавируя между эстетикой и политикой, Мережковский модернизирует классика русской литературы для решения насущных публицистических задач. Вот почему «Тайна Некрасова» (равно как «Тайна Тютчева» или «Завет Белинского») должна рассматриваться в актуальном контексте других общественно-политических высказываний мыслителя 1910-х годов [Холиков 2025]. В данном случае соседний с ней по интенции текст — «Религиозное народничество». Когда в письме Савинкову от 18 июня 1913 г. Мережковский жаловался на «Русское слово», где в томительном ожидании лежали три его статьи, то про одну из них было сказано:

...«О религиозном народничестве» (по книге Богучарского «Активное народничество 70-х годов») — для меня очень важная. И чувствую, что не пройдет [Революционное христовство 2009: 267].

И действительно, пройдет еще около года, прежде чем статья появится в другом периодическом издании — петербургской газете «День» [Мережковский 1914]³. Однако в устной форме на эту тему Мережковский выступил вскоре после лекции о Некрасове — 25 октября 1913 г. во Всероссийском литературном обществе (с началом Первой мировой войны оно будет закрыто за «неблагонадежность» и «оппозиционность» к властям [Шруба 2004: 40–41]; показательно, что после доклада, который «привлек многочисленную публику и вызвал весьма оживленные дебаты» [Доклад 1913], была принята резолюция с осуждением преследований печати в связи с делом Бейлиса [Литературное общество 1913]).

Фактически выступление Мережковского по поводу книги входившего в его круг В. Я. Богучарского [1912] — народника, историка революционного движения (в 1913 г. вернулся в Россию после высылки за границу) — было экспликацией сродных идей, но не языком некрасовского «тайновидения» под обманчивой «оберткой» литературной критики, а в очищенном виде — пламенной речью не столько книжного рецензента, сколько общественного деятеля. Неслучайно в отдельном издании «Двух тайн русской поэзии» читатель встретит прямую отсылку к «Активному народничеству семидесятых годов»:

...тогдашнее революционное народничество в своих высших точках было явлением религиозной совести, — религиозной в самом подлинном, христианском смысле этого слова [Мережковский 1915b: 55].

Пусть менее пространно, но в «Тайне Некрасова» приводятся те же цитаты из А. И. Желябова и А. Д. Михайлова о «неосознанном» соединении революции с религией народовольцев, что и в статье об исследовании Бо-

³ Позднее с некоторыми коррективами и цензурными купюрами войдет в авторский сборник «Было и будет. Дневник. 1910–1914» (1915).

гучарского. Его книге тоже приписывается некий «тайный (разрядка моя. — А. Х.) смысл», который, по толкованию Мережковского, гораздо полнее могло выразить другое название на обложке: «Революционное и религиозное народничество» [Мережковский 1915а: 202]. В этой своей «тайне» Некрасов, как утверждает глашатай русской революции в пока еще мирном, а точнее — последнем мирном году Российской империи, «ближе к нам, современнее всех наших современников» [Мережковский 1915b: 56]. Когда Мережковский заявляет, что у Некрасова есть «религиозное чувство», «но нет религиозного сознания» («Вот почему просит он у всех помощи») [Там же: 58–59], то описание предсмертных мук поэта выступает не иначе как образной иллюстрацией тезиса из статьи о народническом движении: «Умственно беспомощным и нравственно безудержным делает его не что иное, как именно слабость, смутность религиозного сознания» [Мережковский 1915а: 207].

Среди других текстуальных переключек обоих выступлений Мережковского — открывающий «Религиозное народничество» диалог с «неверующим религиозным человеком наших дней»:

- Вы верите в Бога?
- Не верю.
- А все-таки во что-то верите?
- Может быть... да... нет... не знаю.
- Никогда об этом не думали?
- Не думал.
- Как же так: верить и не знать, во что веришь? Ну, сделайте же усилие, подумайте.
- Ах, отстаньте, ради Бога! И без того тошно, а тут еще вы с вашею верою [Мережковский 1915а: 201] —

и умозрительная ситуация в заключительном фрагменте текста о Некрасове:

Если бы кто-нибудь из литературных единомышленников — Белинский, Добролюбов, Чернышевский — спросил его, верит ли он в Бога, то нет никакого сомнения, что Некрасов удивился бы и даже обиделся: за кого его считают? [Мережковский 1915b: 52].

Наконец, явный отголосок полемики с Богучарским по вопросу о том, должна ли Россия в освобождении идти «путем Запада» [Мережковский 1915а: 217], — уверение Мережковского, что «там демократия <...> соединиться с рабством сознательно, религиозно, не за страх, а за совесть, не может, если бы даже хотела. А в России может» [Мережковский 1915b: 17]. Для русской литературы XIX в. жизненный и творческий путь Некрасова в этом плане исключительный, «соединяющий любовь к народу с любовью к свободе, религиозную правду народную с религиозной правдой всечеловеческой» [Там же: 21–22].

Сравним выдвинутый здесь тезис Мережковского с его же возражением Богучарскому:

Всякое освобождение всемирно и народно вместе, чем более народно, тем более всемирно. Всемирность — не отрицание, а утверждение лица народного [Мережковский 1915а: 217].

Эти слова из финальной части «Религиозного народничества» наряду с итоговым суждением: «Сознать или не сознать религиозный смысл освобождения — значит для России сейчас быть или не быть свободною» [Там же: 217] — идейно и композиционно рифмуются с концовкой «Тайны Некрасова»:

Родная мать — родная земля. «Земля Божья», — говорит русский народ. Это значит: земля ничья, земля общая, свободная; только свободная земля — Божья. Тут уже свобода с Богом. Раскрытая в христианстве тайна о небе — любовь есть Бог; нераскрытая тайна о земле — свобода есть Бог.

Вот что хочет нам сказать Некрасов; вот зачем его тоскующая тень бродит около нас [Мережковский 1915b: 61].

Такова, по Мережковскому, связь времен. Ощущалась ли она первыми слушателями его лекций в полную силу — газетные обзоры умалчивают.

Зато известно, что черновая рукопись «Тайны Некрасова» (хранится в РО ИРЛИ [Мережковский 1913e]), легшая в основу устного выступления, содержала все четыре части, которые образовали потом одноименный раздел «Двух тайн русской поэзии». Хроникер «Дня» мельком передал в отчете то, что не вошло в две опубликованные заметки Мережковского, но впоследствии отразилось на страницах отдельного издания 1915 г. Текстологический анализ всего черновика, а также II и III фрагментов, размещенных в «Русском слове», выявляет преимущественно стилистическую правку автора, который, как и в «Тайне Тютчева», устранял лексическую и смысловую избыточность, ужимал объем (дабы уместиться в отведенное на газетной полосе место?) и сокращал цитаты [Холиков 2024]. Часть корректив носит сугубо технический (графический, пунктуационный, орфографический) характер. Минимальные расхождения между газетными претекстами и первым полным изданием — результат не более поздней переработки текста, а стремления Мережковского вернуться к первоначальному варианту «Тайны Некрасова» (ее беловая рукопись или машинопись не найдены).

Содержательных отличий, достойных специального упоминания, почти нет. Из примечательного — оставшийся на уровне автографа финал II части: «Не какой-либо год и день, а все наши дни, все наши годы — юбилейные годы Некрасова» [Мережковский 1913e. Л. 31]. Перед этим — зачеркнутый карандашом, но в итоге опубликованный [Мережковский 1915b: 36] пассаж:

Мы любим справлять юбилеи и для них ждем годовщин, совпадения чисел. Но существуют години вещи не в памяти чисел, а в памяти сердца. Кажется, именно сейчас такая годовщина наступает для Некрасова [Мережковский 1913e. Л. 30–31].

И так либо по невнимательности, либо с риторической целью в тексте возник почти буквальный повтор (ср. второй абзац I части). Между тем концептуально финал, не дошедший до печати, ярче подчеркивал интенцию автора. В иные времена ее суть могла бы выразить формула «Некрасов — наш современник».

Как видно, в аспекте модернизации отечественной классики речи Мережковского 1913 г. о Некрасове отдаляются от эстетического и примыкают к политическому дискурсу революционной эпохи. Символично, что итоговый текст «Двух тайн русской поэзии» стал последней книгой писателя о русской литературе, в которой и Некрасов, и Тютчев задействовались им для решения «внелитературных задач», впервые обнажившихся гораздо раньше, уже на рубеже веков [Андрущенко 2017]. Нет сомнений в том, что сущностно, по наблюдению Е. А. Андрущенко, взгляды Мережковского на личность и творчество Некрасова менялись мало [Андрущенко 2023: 181]. Однако научную ценность представляют нюансы этой мягкой динамики.

В начале своего творческого пути Мережковский-поэт Некрасову открыто подражал (см. ритмические, лексические, образные отсылки в произведениях «Младенец Моисей», 1881; «Наш век», 1881; «На Волге», 1887) [Мережковский 2017– (2) (см. по указателю)] и даже намеревался по окончании университета «уйти в народ». «В “народничестве” моем, — оглядываясь в прошлое, уверял он в том же 1913 г., — много было ребяческого, легкомысленного, но все же искреннего, и я рад, оно было в моей жизни и не прошло для меня бесследно» [Мережковский 1913а].

Стоя у истоков модернистской критики и проповедуя «свободу литературы от общественных идей» [Гончарова 2009: 73], Мережковский тем не менее выделял Некрасова среди других писателей-народников:

Я думаю, что даже поклонники Гл. Успенского согласятся с тем, что у него нет ни одного стройного, гармонически прекрасного и законченного произведения, какие есть, например, у Некрасова [Мережковский 2017– (9): 53].

Автор книги «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы» (1893), поправляя критиков-реалистов, усматривал «странные сближенья» между вневременной стороной поэзии Некрасова и А. Н. Майкова (в «Вечных спутниках» также подчеркивалась их близость «в участии к простому горю людей» [Мережковский 2017– (8): 226]). Тогда, в 1890-е годы, на передний план Мережковским выдвигалась символистская, не сводимая к одной лишь эстетике, категория *н о в о й к р а с о т ы*, выразителем которой провозглашался «другой Некрасов — великий и свободный поэт, который, помимо своей воли, творил “не для житейского волненья, не для корысти, не для бить”, Некрасов — идеалист, Некрасов, как более или менее все русские люди, — мистик, Некрасов,

верующий в божественный и страдальческий образ распятого Бога⁴, самое чистое и — святое воплощение духа народного». Так им художником можно было «гордиться <...> перед Европой». По своей силе возрожденный Некрасов оказывался соразмерен Льву Толстому и Достоевскому, Пушкину и Лермонтову [Мережковский 2017– (9): 48–49].

В «Тайне Некрасова» Мережковский не отречется вовсе от полюбившегося ему образа «вечного поэта»: «Он был художником...». «...Но, — сказано тут же, — не только художником» [Мережковский 1915b: 33]. Если раньше «слабой стороной Некрасова» называлось превозносимое реалистическими критиками «служение злобе дня», чуждое «великому и свободному искусству» [Мережковский 2017– (9): 48], то отныне политика, которую Некрасов ввел в поэзию (и тем будто заслужил «непризнанность» в русской художественной литературе), перестала оцениваться как антиэстетика. В начале XX в., убежден Мережковский, политика «на наших глазах, в великих восстаниях и освобождениях народных, в демократии, — самое грозное и грозное из всех явлений всемирно-исторических: если оно не прекрасно, то и гроза тоже» [Мережковский 1915b: 25]. Он по-прежнему сравнивает Некрасова с Пушкиным, но не «по силе творчества» (это было бы «эстетическим промахом»), а по верности «простоте и правде»: «Стихи его часто бывают прозою, часто не умеет он сказать того, что хочет; но никогда не говорит того, что не хочет, никогда не лжет» [Там же: 32–33]. Если на эстетической почве народолюбия Мережковский еще мог объединить Некрасова с Пушкиным, Лермонтовым, Гоголем, Львом Толстым и Достоевским, то на политической ниве свободолюбия «поэт общественности», высказавший «суть интеллигенции», оказался противопоставлен едва ли не всей русской литературе, которой «перебежал дорогу тот пушкинский заяц 14-го декабря» [Там же: 21, 36].

Наиболее резкое размежевание — в паре Некрасов и Достоевский. В конце 1880-х годов, констатируя противоположность двух писателей, Мережковский тем не менее объединил их в отношении к типу «униженных и оскорбленных»: «Мармеладов и некрасовский мужик отличаются смирением и безответностью...» [Мережковский 2017– (9): 100]. В 1913 г. противопоставление двух авторов усилено, и отнюдь не в художественной плоскости: «...ибо революционное народничество Некрасова в глубочайших метафизических корнях своих противно Достоевскому...» [Мережковский 1915b: 26]. Вероятно, чтобы оттенить этот контраст, Мережковский еще в черновой рукописи «Тайны Некрасова» перечеркнул каран-

⁴ Ср. со словами из журнальной публикации «Л. Толстого и Достоевского» (1902): «В сочувствии церкви, как средству одурманиения, “гипнотизации”, по выражению Л. Толстого (*Ответ*, стр. 7), простого народа с целью государственного насилия, трудно заподозрить Некрасова; а между тем и он, этот петербургский до мозга костей либерал, позитивист и западник, чувствовал в православной церкви присутствие какой-то вечной правды — правды великого религиозного голода; он чувствовал также кровную связь свою не с каким-либо возможным в будущем, просветленным и возвеличенным, а с самым реальным, старым, “убогим” храмом земли своей» [Мережковский 2017– (10): 662].

дашом пассаж: «Кто есть Великая Мать? — спрашивает у Достоевского одна прозорливица и сама себе отвечает: — Великая Мать есть Мать сыра земля...» Следом шел авторский комментарий к цитате: «В этом [—] последняя тайна всего христианского человечества» [Мережковский 1913e. Л. 67]. Столь явная отсылка к «Бесам» ослабляла антагонизм Некрасова, с его «нераскрытой тайной о земле» [Мережковский 1915b: 61], и Достоевского, народолюбие которого — «любовь без свободы — не любовь, а жалость» [Там же: 20]. В итоге Мережковский ограничился собственным опровержением гораздо более известной фразы из романа «Идиот»:

«Красота спасет мир»? — Нет, красота — только сияние, только заря невзошедшего солнца любви. Не красота спасет мир, а любовь, Вечное Материнство, вечная Женственность [Мережковский 1915b: 61].

После прихода к власти большевиков революционные воззрения Мережковского известным образом трансформировались, что неизбежно сказалось в его отношении к Некрасову. Отвечая на вопросы анкеты К. И. Чуковского летом 1919 г., т. е. за считанные месяцы до эмиграции, автор «Двух тайн русской поэзии» не только категорически отказался сравнивать Некрасова с Пушкиным и Лермонтовым («Тут не может быть выше и ниже. Кто их сравнивает, тот ничего не понимает в них» [Андрущенко 2023: 178]), но еще более сурово заключил, что в народолюбии поэта «очень много условного и фальшивого»:

Человек бесконечно трезвого и холодного ума, беспощадного скепсиса, Некрасов не мог не понимать, что нельзя поклоняться русскому народу в данном его состоянии, как высшей идеальной правде; не мог не понимать условности «демократии», как религии. Но у него не было достаточно ясного религиозного сознания, чтобы победить эту ложную религию [Там же: 181].

Как и шесть лет назад, признаваясь Савинкову в своей любви к Некрасову, Мережковский повторил: «Люблю его...». А вслед за этим — существенная для новых исторических обстоятельств оговорка:

...но так, как мы все теперь любим русский народ сквозь боль, сквозь стыд, сквозь ненависть — почти проклятие. Проклятие от той лжи, в которой повинны мы вместе с Некрасовым и за которую теперь так ужасно расплачиваемся. Ложь в идеализации данного состояния народа, как должного, в обожествлении, в поклонении народу, как Богу [Там же: 178].

Итак, источниковедческий взгляд на «Тайну Некрасова», внимание к текстологическим «мелочам», рассеянным по архивным материалам и газетно-журнальной периодике 1910-х годов, обнажает пересекающиеся, но не совпадающие вполне литературно-критические и публицистические формы модернизации Некрасова, его личности и творчества, в Серебряном веке. Сделанные наблюдения могут обладать научно-эдиционной

значимостью при подготовке комментариев к статьям Мережковского — адекватных контексту его времени. Вместе с тем фактологический фундамент заложен для уточнения существующих представлений (пока еще фрагментарных) об узловых точках моделирования писательской идентичности в сознании современников и потомков. Проникновение в творческую лабораторию известного мыслителя и общественного деятеля на историко-культурном горизонте кризисной эпохи — необходимый шаг в этом направлении.

Источники

О п у б л и к о в а н н ы е

- Б. 1913 — Б. Д. С. Мережковский о Некрасове // *День*. 1913. 17 (30) окт., № 281. С. 5.
- Богучарский 1912 — *Богучарский В.* Активное народничество семидесятых годов. М.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1912.
- Доклад 1913 — Доклад Д. С. Мережковского // *День*. 1913. 27 окт. (9 нояб.), № 291. С. 5.
- Лекция 1913а — Лекция Д. С. Мережковского // *Биржевые ведомости*. Утр. вып. 1913. 16 (29) окт. № 13805. С. 3.
- Лекция 1913б — Лекция Д. С. Мережковского // *Обозрение театров*. 1913. 18 (31) окт., № 2236. С. 16.
- Литературное общество 1913 — Литературное общество о деле Бейлиса // *День*. 1913. 26 окт. (8 нояб.), № 290. С. 3.
- Мережковский 1913а — *Мережковский Д.* Автобиографическая заметка // *Русское слово*. 1913. 19 марта (1 апр.), № 65. С. 3.
- Мережковский 1913б — *Мережковский Д.* Некрасов (Заметка) // *Русское слово*. 1913. 9 (22) авг., № 183. С. 2.
- Мережковский 1913с — *Мережковский Д.* Трагедия совести (Еще о Некрасове) // *Русское слово*. 1913. 2 (15) нояб., № 253. С. 2.
- Мережковский 1914 — *Мережковский Д.* Религиозное народничество // *День*. 1914. 18 (31) мая, № 133. С. 4; 19 мая (1 июня), № 134. С. 2.
- Мережковский 1915а — *Мережковский Дм. С.* Было и будет: Дневник. 1910–1914. Пг.: Т-во И. Д. Сытина, 1915.
- Мережковский 1915б — *Мережковский Д. С.* Две тайны русской поэзии: Некрасов и Тютчев. [Пг.]: Изд. Т-ва И. Д. Сытина, 1915.
- Мережковский 2017 — *Мережковский Д. С.* Собр. соч.: В 20 т. / Ред. кол.: О. А. Коростелев (председ.) и др. М.: Дмитрий Сечин, 2017—.
- Объявление 1913 — [Объявление о лекции Д.С. Мережковского «Тайна Некрасова»] // *Русское слово*. 1913. 1 (14) нояб., № 252. С. 1.
- Переписка 2005 — Переписка З. Н. Гиппиус, Д. С. Мережковского, Д. В. Filosofova с В. Брюсовым (1910–1919) / Публ. и подгот. текста М. В. Толмачева; Комментар. Т.В. Воронцовой // *Литературоведческий журнал*. 2005. № 19. С. 165–257.
- Переписка 2018 — Переписка З. Н. Гиппиус с Д. В. Filosofovym (1898–1918) / Вступ. ст., подгот. текста и коммент. А. Л. Соболева // *Литературное наследство*. Т. 106: В 2 кн.: Эпистолярное наследие З. Н. Гиппиус. Кн. 1 / Сост. Н. А. Бого-

- молов, М. М. Павлова; Отв. ред. О. А. Коростелев. М.: ИМЛИ РАН, 2018. С. 586–857.
- Революционное христовство 2009 — «Революционное христовство»: Письма Мережковских к Борису Савинкову / Вступ. ст., сост., подгот. текстов и коммент. Е. И. Гончаровой. СПб.: Пушкинский Дом, 2009.
- Сборник 1914 — Сборник критических статей о Н. А. Некрасове / Собр. В. Зелинский. 3-е изд. Ч. 2. М.: Тип. Вильде, 1914.
- Тайна 1913 — Тайна русской совести // Новое время. 1913. 16 (29) окт., № 13505. С. 6.
- Толстой 1955 — *Толстой Л. Н.* О литературе: Статьи, письма, дневники / [Сост. и примеч. Ф. А. Ивановой, В. С. Мишина, А. И. Опульского и др.]; [Вступ. ст. Л. Д. Опульской]. М.: Гос. изд-во худ. лит., 1955.
- Философов 1913 — *Философов Д.* Ни совести, ни чести // Речь. 1913. 17 (30) окт., № 284 (2597). С. 2.
- Фрид 1913 — *Фрид С.* У Д. С. Мережковского // Биржевые ведомости. Веч. вып. 1913. 12 (25) окт., № 13800. С. 7.
- Чудовский 1913 — *Чудовский В.* О Мережковском, Некрасове и о политике в искусстве // Аполлон. 1913. № 7. С. 47–52.

Архивные

- Мережковский 1913d — *Мережковский Д.* Автобиографическая заметка: [Рукопись. 1913] // РО ИРЛИ. Ф. 177. Ед. хр. 24.384. Л. 2–23.
- Мережковский 1913e — *Мережковский Д.* Тайна Некрасова: [Рукопись. 1913] // РО ИРЛИ. Ф. 177. Ед. хр. 24.257. Л. 1–68.
- Письма 1913 — Письма Д. С. Мережковского к Ф. И. Благову [1913] // НИОР РГБ. Ф. 259. К. 17. Ед. хр. 12. Л. 1–22.
- Приглашение 1913 — Приглашение на лекцию Д. С. Мережковского «Тайна Некрасова» 15 октября 1913 г. // ОР РНБ. Ф. 481. Ед. хр. 267. Л. 1.
- Проспект 1913 — Проспект лекции Д. С. Мережковского «Тайна Некрасова»: [Машинопись. 1913] // НИОР РГБ. Ф. 386. Картон 94. Ед. хр. 45. Л. 31–31 об.

Сокращения

- НИОР РГБ — Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (Москва).
- ОР РНБ — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург).
- РО ИРЛИ — Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург).

Литература

- Акчурина 2015 — *Акчурина А. Р.* Газета «Новое время» о деле Менделя Бейлиса 1913 года // Перспективные исследования в науке: теория и практика = Advanced studies in science: Theory & practice. Т. 4. Лондон: Global Partnership on Development of Scientific Cooperation; Ron Bee and Associates Company, 2015. P. 56–68.
- Андрущенко 2017 — *Андрущенко Е. А.* «Вечные спутники» Д. С. Мережковского в движении времени // Мережковский Д. Собр. соч.: В 20 т. Т. 8: Вечные спутники / Сост., подгот. текста, примеч., послесл. Е. А. Андрущенко. М.: Дмитрий Сечин, 2017. С. 404–440.

- Андрущенко 2023 — *Андрущенко Е.А.* Некрасовская анкета К. И. Чуковского и Д. С. Мережковский // *Вестник славянских культур*. Т. 67. 2023. С. 174–185. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2023-67-174-185>.
- Гончарова 2009 — *Гончарова Е.И.* «Революционное христовство» // «Революционное христовство»: Письма Мережковских к Борису Савинкову / Вступ. ст., сост., подгот. текстов и коммент. Е. И. Гончаровой. СПб.: Пушкинский Дом, 2009. С. 5–88.
- Соболев 1992 — *Соболев А. Л.* Мережковские в Париже (1906–1908) // *Лица: Биографический альманах*. [Вып.] 1 / Ред.-сост. А. В. Лавров. М.; СПб.: Феникс: Atheneum, 1992. С. 319–371.
- Холиков 2018 — *Холиков А. А.* «Автобиографическая заметка» как текст и контекст второго прижизненного Полного собрания сочинений Д. С. Мережковского // *Текстологический временник. Русская литература XX века: Вопросы текстологии и источниковедения*. Кн. 3: Письма и дневники в русском литературном наследии XX века / Отв. ред. Н. В. Корниенко. М.: ИМЛИ РАН, 2018. С. 677–688.
- Холиков 2024 — *Холиков А. А.* От «Тайны Тютчева» к «Двум тайнам русской поэзии»: творческая история и текстологический ключ // *Филологические науки. Научные доклады высшей школы*. 2024. № 4. С. 139–147. <https://doi.org/10.20339/PhS.4-24.139>.
- Холиков 2025 — *Холиков А. А.* Мережковский и окрест... Текстологические разыскания между эстетикой и политикой: от «упадка» литературы до распада империи. М.; СПб.: Нестор-История, 2025.
- Шруба 2004 — *Шруба М.* Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890–1917 годов: Словарь. М.: Нов. лит. обозрение, 2004.

References

- Akchurina, A.R. (2015). Gazeta “Novoe vremia” o dele Mendelia Beilisa 1913 goda [“The Novoye Vremya” newspaper on the Mendel-Beilis case of 1913]. In *Perspektivnye issledovaniia v nauke: teoriia i praktika = Advanced studies in science: Theory & practice* (Vol. 4, pp. 56–68). Global Partnership on Development of Scientific Cooperation; Ron Bee and Associates Company. (In Russian).
- Andrushchenko, E. A. (2017). “Vechnye sputniki” D. S. Merezhkovskogo v dvizhenii vremeni [“Eternal Companions” by D. S. Merezhkovsky in the movement of time]. In D. Merezhkovskii. *Sobranie sochinenii* (Vol. 8, pp. 404–440). Dmitrii Sechin. (In Russian).
- Andrushchenko, E. A. (2023). K. I. Chukovsky’s Nekrasov questionnaire and D. S. Merezhkovsky. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 67, 174–185. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2023-67-174-185>. (In Russian).
- Goncharova, E. I. (2009). “Revoliutsionnoe khristovstvo” [“Revolutionary Christianity”]. In E. I. Goncharova (Ed.) “*Revoliutsionnoe khristovstvo*”: *Pis'ma Merezhkovskikh k Borisu Savinkovu* (pp. 5–88). Pushkinskii Dom. (In Russian).
- Kholikov, A. A. (2018). “Avtobiograficheskaia zametka” kak tekst i kontekst vtorogo prizhiznennogo Polnogo sobraniia sochinenii D. S. Merezhkovskogo [“Autobiographical Note” as a text and context of D. S. Merezhkovsky’s second inter vivos “Complete Collected Works”]. In N. V. Kornienko (Ed.). *Tekstologicheskii vremennik. Russkaia literatura XX veka: Voprosy tekstologii i istochnikovedeniia, Book 3: Pis'ma i dnevniki v russkom literaturnom nasledii XX veka* (pp. 677–688). IMLI RAN. (In Russian).
- Kholikov, A. A. (2024). From “The Mystery of Tyutchev” to “Two Mysteries of Russian Poetry”: Creative history and textual key. *Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education*, 2024(4), 139–147. <https://doi.org/10.20339/PhS.4-24.139>. (In Russian).
- Kholikov, A. A. (2025). *Merezhkovskii i okrest...: Tekstologicheskie razyskaniia mezhduestetiki i politiki: ot “upadka” literatury do raspada imperii* [Merezhkovsky and surround-

- ings...: Textological enquiries between aesthetics and politics: From the “decline” of literature to the collapse of the empire]. Nestor-Istoriia. (In Russian).
- Shruba, M. (2004). *Literaturnye ob"edineniia Moskvy i Peterburga 1890–1917 godov: Slovar'*. [Literary associations of Moscow and St. Petersburg 1890–1917: Dictionary]. Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).
- Sobolev, A. L. (1992). Merezhkovskie v Parizhe (1906–1908) [The Merezhkovskys in Paris (1906–1908)]. In A. V. Lavrov (Ed.) *Litsa: Biograficheskii al'manakh* (Vol. 1, pp. 319–371). Atheneum. (In Russian).

Информация об авторе

Алексей Александрович Холиков
доктор филологических наук
профессор, кафедра теории
литературы, филологический
факультет, Московский
государственный университет
им. М. В. Ломоносова
Россия, 119991, Москва, Ленинские
горы, 1-й корпус гуманитарных
факультетов
✉ aakholikov@gmail.com

Information about the author

Alexey Alexandrovich Kholikov
Dr. Sci. (Philology)
Professor, Department of Literary Theory,
Faculty of Philology, Lomonosov Moscow
State University
Russia, 119991, Moscow, Leninskie gory,
1st bld. of the Humanities Faculties
✉ aakholikov@gmail.com